

СИСТЕМА «ВСЕОБУЧА» В ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ РОССИИ (первая половина XIX в.)

Представляя собой особую организацию вооруженных сил России в 1810—1857 гг., в которой (в рамках постановки решения ряда общегосударственных политических, финансовых и социальных задач) военная служба «нижних чинов» совмещалась с сельскохозяйственной работой, военные поселения отождествляются прежде всего с таким негативным понятием, как «аракчеевщина». Однако на практике подобный «негатив» оказывался далеко не всегда адекватным реалиям существования системы военных поселений. В частности, в ее развитии вырисовывается любопытная ситуация: в случае реализации идеи перевода русской армии на поселение в полном объеме впервые в российской практике могла быть решена проблема охвата «всеобучем» отдельно взятой социальной категории россиян.

Первостепенное значение для появления в России военных поселений имел фактор необходимости сокращения расходов на содержание большой и дорогостоящей армии в условиях резко обозначившейся в конце XVIII — начале XIX в. нестабильности финансовой системы страны. В начале XIX в. государственный долг составлял 408,5 млн. руб. ассигнациями, что превышало десятилетний доход Российской империи. Последующие годы ознаменовались дальнейшим ухудшением ее финансового состояния: к 1810 г. сумма государственного долга простиралась уже до 667 млн. руб. ассигнациями¹. Для властей была очевидной необходимость принятия срочных мер. Составлением программы по выходу из тяжелого финансового положения занимались такие видные представители русской экономической мысли начала XIX в., как М. М. Сперанский, М. А. Балугьянский, Н. С. Морд-

винов, В. П. Кочубей и др. Авторы предложенного Александру I в 1810 г. «плана финансов» усматривали основную причину их кризисного состояния в несоразмерности государственных доходов и расходов. В той части «плана», где речь шла о сокращении расходов, в частности, отмечалось, что нужно «все необходимые издержки сохранить, полезные отложить, а излишние прекратить». В категорию «необходимых», наряду с другими, вошли расходы, «кои относятся к безопасности государства, как внешней, так и внутренней». Естественно, прежде всего под ними подразумевались затраты на армию и флот. Характерно, что в дальнейшем они должны были остаться единственными среди «необходимых» затрат².

Разработчики программы финансовой стабилизации или сознательно не предприняли попыток разрешения основного противоречия в бюджетной системе страны, или вовсе не видели возможности это сделать. Дело в том, что в условиях обострения в конце XVIII — начале XIX в. международной обстановки, участия России в антинаполеоновских коалициях, ведения войн с Ираном, Турцией, Швецией издержки на Министерство военно-сухопутных сил и Министерство морских сил составляли основную часть государственных расходов — они поглощали до 45—54 % денежных сумм. Не менее примечательно, что и в 1801—1803 гг., когда боевые действия не велись, затраты на армию составляли до трети всех государственных расходов³.

В рассматриваемый период российский бюджет был дефицитным, поэтому еще более разительные результаты дает сопоставление расходов на военные ведомства с реальными доходами государства. В начале XIX в. на их содержание уходило около половины всей суммы доходов. Однако в дальнейшем военные затраты значительно увеличились, превысив общие доходы страны. Так, уже в 1808 г. расходы на военные нужды составили 139,3 млн. руб. ассигнациями. При суммарной доходности в 127,5 млн. руб.⁴

Особенностью мировой практики военного строительства начала XIX в. по сравнению с современностью было положение, когда содержание личного состава армий требовало значительно больше денежных средств, чем их вооружение. Россия в данном случае не являлась исключением. Следовательно, именно расходы на содержание личного состава армии и флота в значительной степени и обуславливали тяжелое состояние российских финансов. Подобная взаимосвязь понималась и правящими кругами страны. Так, в указе от 24 июля 1801 г. об образовании комиссии «для рассмотрения положения войск и устройства оных» отмечалось, что в конце XVIII в. в России наблюдалось значительное увеличение затрат на содержание войск при сокращении их численности⁵. Вместе с тем, несмотря на

предпринимавшиеся меры по устранению подобного положения, в 1801—1810 гг. наблюдался и относительный и абсолютный рост расходов на армию: при увеличении численности войск за рассматриваемый период на 34 % затраты на их содержание по сравнению с началом столетия выросли на 70—80 %⁶.

Даже разработчики «плана финансов» ощущали бесперспективность предложенной ими программы по их стабилизации без затрагивания проблем содержания огромного воинского контингента. Так, в представленной в 1810 г. на имя Александра I записке В. П. Кочубея «Об исправлении финансовой системы» утверждалось, что «восемь или десять миллионов не могут уже составлять счета там, где считали по меньшей мере десятками миллионов и где считали бы, может быть, сотнями миллионов, если бы... вовремя не остановились». В качестве панацеи от всех финансовых бед автором записки предлагалось «уменьшение издержек... в больших размерах». В частности, В. П. Кочубей предлагал приступить к замене постоянной армии «губернским войском»⁷.

Безусловно, напрашивавшееся существенное сокращение численности войск было наиболее действенным способом решения финансовой проблемы в России. Вместе с тем реализация этой идеи привела бы к столь же значительному ослаблению ее военного потенциала, что было недопустимо в условиях обострения отношений с наполеоновской Францией. Последняя располагала армией, комплектовавшейся по введенной в 1898 г. системе конскрипции. В России же продолжала действовать явно не соответствовавшая духу времени рекрутская система пополнения армейских «нижних чинов» и практиковался 25-летний срок их службы. Эти обстоятельства полностью исключали возможность создания обученного запаса, который в случае необходимости мог бы усилить армию. Поэтому в России и в мирное время насчитывался большой контингент вооруженных сил, что было для ее финансов непозволительной роскошью.

Практической попыткой сокращения расходов на содержание русской армии стала организация военных поселений (в данном случае инициатива принадлежала непосредственно Александру I). Начало созданию системы военных поселений положил указ от 10 ноября 1810 г. о размещении на территории казенного Бобылецкого староства Климовичского уезда Могилевской губернии Елецкого пехотного полка. Уже на уровне устройства в 1810—1816 гг. собственно этого опытного поселения стал очевиден способ предполагавшегося перехода армии на самообеспечение продовольствием и фуражом (последнее было актуально для кавалерийских полков). Часть поселян получила возможность обзавестись самостоятельными хозяйствами и

проживать вместе с семьями. Эти поселяне-«хозяева» должны были содержать на постое и обеспечивать продовольствием по два «постояльца». В свою очередь, «постояльцы» обязывались во всем помогать своим «хозяевам» в достижении высокого уровня развития солдатских хозяйств. В свободное от сельскохозяйственных работ время «хозяева» и «постояльцы» должны были выполнять весь объем служебных обязанностей.

Финансовые мотивы устройства в России в начале XIX в. военных поселений официально не афишировались. Вместе с тем власти получили возможность привлекательно «обставить» другие обстоятельства их возникновения. Практическое устройство каждого нового округа военных поселений (перевод на положение поселенного пехотного или кавалерийского полка) начиналось, как правило, с передачи семей казенных крестьян соответственной местности из гражданского в военное ведомство (наряду с крестьянской массой и собственно «нижних чинов» армии при организации на территории Украины кавалерийских поселений было задействовано казачество). Одновременно поселяемым полкам «жаловались» особые «высочайшие» грамоты. В частности, в них создание военных поселений объяснялось как стремление властей, «с одной стороны, изъяснить особое внимание к заслугам победоносных... воинов, с другой — отвратить тягость, сопряженную для любезноверных подданных... с ныне существующею рекрутской повинностью», сделав «переход сих людей в военное состояние нечувствительным и самую службу менее тягостной». При этом объявлялось, что крестьяне, поступающие в военные поселения, освобождаются от всех государственных земских повинностей, в том числе и от рекрутских наборов. Вместо этого они обязывались комплектовать «из себя всеми способными людьми» поселяемые полки⁸. В действительности за этим скрывалась одна из основных целей создания военных поселений: перейти к комплектованию армии в мирное время исключительно за счет детей военных поселян («нижние чины» поселяемых подразделений должны были проживать вместе со своими семьями). На практике это означало, что все сыновья поселян переводились на положение «солдатских детей», составляя вместе с ними категорию так называемых военных кантонистов. Они должны были проходить предварительную военную подготовку, а при достижении совершеннолетнего возраста в обязательном порядке зачислялись в войска. В отличие от общей массы «солдатских детей» (сыновей «нижних чинов» армии, родившихся во время прохождения последними

службы), сыновья поселян проходили подготовку к службе непосредственно под руководством администрации военных поселений. Собственно с этой целью в поселениях и стали создаваться отделения военных кантонистов.

Дети военных поселян делились на три возрастных «разряда»: «малый» — до 7, «средний» — с 7 до 12 и «большой» — с 12 до 18 лет. Малолетние кантонисты воспитывались у родителей. С достижением «среднего» возраста они начинали посещать ротные школы, а с 12 лет переводились в учебные батальоны. В 18-летнем возрасте военные кантонисты комплектовали «действующие» и поселенные батальоны (в отношении кавалерии — эскадроны) своих полков. В случае их полного укомплектования они все равно должны были оставаться в округах военных поселений: предполагалось на основе «лишних» кантонистов формировать при поселяемых полках четвертые (резервные) батальоны⁹.

В начале 1820-х гг. рамки возрастных групп были несколько изменены: «малый» возраст — до 10, «средний» — с 10 до 15 и «большой» — с 15 до 18 лет. Официально признавалось, что принятое решение обуславливалось возможностью сокращения срока обучения¹⁰.

В ротных школах военные кантонисты изучали Закон Божий, учились читать, писать, производить простейшие арифметические действия, а так же занимались маршировкой и выполнением военных команд. Кроме того, они обучались различным ремеслам. В роли учителей здесь выступали полковые священники и грамотные унтер-офицеры. С целью подготовки педагогических кадров для школ округов военных поселений в 1821 г. был открыт Военно-учительский институт, рассчитанный на одновременное обучение до 70 специально отобранных кантонистов¹¹. В свободное от учебы время и в период каникул (с 1 июля по 1 августа) кантонисты «среднего» возраста должны были помогать своим родителям по хозяйству.

В учебных батальонах преподавались Закон Божий, русский язык, арифметика, геометрия, чистописание, рисование и церковное пение. Помимо этого, кантонисты «старшего» возраста обязаны были постоянно «готовиться к военной службе» и овладевать ремеслами.

По штату в учебных батальонах должно было состоять около 400 кантонистов. Половина из них поселялась в казармах, а остальные проживали у родителей. Причем для последних программа обучения была значительно сокращена: они должны только раз в неделю заниматься повторением материала, который изучался в ротных школах¹².

Такая «привилегия» в обучении предоставлялась детям военных поселян, которые имели несколько сыновей и добивались «определенных успехов» в развитии своих хозяйств. Власти усматривали в этих кантонистах потенциальных преемников своих родителей и, вероятно, других «хозяев». Поэтому основное внимание они должны были уделять перениманию опыта ведения хозяйств. Тем не менее кантонисты, проживавшие у родителей, обязаны были участвовать в учениях, производившихся в учебных батальонах¹³.

В целом школьная система военных поселений была сравнима с низшими ступенями образования в России, которые, согласно утвержденному в ноябре 1810 г. «Уставу учебных заведений, подведомственных университетам», составляли одногодичные приходские училища и уездные училища с двухгодичным сроком обучения¹⁴. Она должна была способствовать успешному решению поставленных перед ними основных задач — при сохранении высокой боеспособности русской армии обеспечить ее самообеспечение продовольствием и фуражом, а также перейти к комплектованию войск за счет внутренних ресурсов. Подобная «второстепенность» несколько не умаляла ее значимости в перспективах организации системы военных поселений в целом.

В общей сложности к 1825 г. (в рамках «аракчеевского» периода развития военных поселений) на территории Новгородской, Могилевской, Херсонской, Слободско-Украинской и Екатеринославской губерний были осуществлены попытки поселения 12 гренадерских, 6 карабинерных, 2 пехотных, 12 уланских, 8 кирасирских полков, а также 2 рот Охтенского порохового завода и 3 рот гренадерского саперного батальона. Подсчеты показывают, что военные поселения включали в себя немногим более 11 % пехоты и 26 % кавалерии (в 1825 г. в общей сложности в пехоте насчитывалось 179, а в кавалерии — 77 полков)¹⁵. Уже сами по себе эти цифры свидетельствуют об очевидной неудаче замысла создания военных поселений: они имели определенный смысл лишь в масштабах всей регулярной армии. Полностью это соотносится и с идеей армейского «всеобуча».

¹ Блюх, И. С. Финансы России XIX столетия: История — статистика / И. С. Блюх. Т. 1. СПб., 1882. С. 14; Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 45. СПб., 1865. С. 5.

² Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 45. СПб., 1865. С. 1, 5.

³ Блюх, И. С. Финансы России XIX столетия: История — статистика / И. С. Блюх. Т. 1. СПб., 1882. С. 85.

⁴ Министерство финансов. 1802—1902. Ч. 1. СПб., 1902. С. 620-621.

⁵ Журавский, Д. П. Статистическое обозрение расходов на военные потребности (с 1711 по 1825 год) / Д. П. Журавский // Военный сборник. 1859. Т. 10. Отд. неоф. С. 277-278.

⁶ Бескровный, Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России / Л. Г. Бескровный. М., 1972. С. 12,14; Блюх, И. С. Финансы России XIX столетия: История — статистика / И. С. Блюх. Т. 1. СПб., 1882. С. 85—86; Министерство финансов. 1802—1902. Ч. 1. СПб., 1902. С. 620—621.

⁷ Блюх, И. С. Финансы России XIX столетия: История — статистика / И. С. Блюх. Т. 1. СПб., 1882. С. 102—103. С. 102-103.

⁸ Полное собрание законов Российской империи. 1 собр. СПб., 1830. Т. 35.

№ 27266; Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405. Оп. 1. Д. 17. Л. 5—9.

⁹ Учреждение о военном поселении пехоты. Ч. 2. СПб., 1817. С. 27—45.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. 1 собр. СПб., 1830. Т. 39. № 29872.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. 1 собр. СПб., 1830. Т. 37.

№ 28765.

¹² Константинов, Н. А. Школьная система военных поселений (Очерки из истории народного образования первой половины XIX в. в царской России) / Н. А. Константинов // Советская педагогика. 1938. № 6. С. 113—117.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405. Оп. 1. Д. 172. Л. 411—412.

¹⁴ Яковкина, Н. И. История русской культуры: XIX век / Н. И. Яковкина. СПб., 2000. С. 16—27.

¹⁵ Бескровный, Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России / Л. Г. Бескровный. М., 1972.